

Валерий Богушев

Сюжеты

Рассказы, эссе, роман

Валерий Богушев

Сюжеты. Рассказы, эссе, роман

«Издательские решения»

Богушев В.

Сюжеты. Рассказы, эссе, роман / В. Богушев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834610-1

В сборник вошли избранные рассказы, эссе и роман «Знакомство с Иньес» о современных нравах, в которых новые веяния в любовных отношениях вступают в противоречие с вечными ценностями. Некоторыми мотивами роман перекликается с «Анной Карениной» с поправкой на современные нравы. В статье, посвященной году литературы, А. Высотин писал: «Знакомство с Иньес» — это значительное явление в провинциальной литературе, а её автор Валерий Богушев — подающий большие надежды прозаик».

ISBN 978-5-44-834610-1

© Богушев В.
© Издательские решения

Содержание

Магия печатного слова	6
Чайный клуб	8
Зимой в Козловке	9
До лучших времен	10
Преддипломная практика	18
Мое второе «я»	21
В день рождения Пушкина	23
Конь на даче	25
Задонск	26
В городе детства	27
Студенческие встречи	28
Командировка в Калугу	29
Отпуск	31
Озеро Чокрак	32
Домик у моря	33
Однажды в студеную зимнюю пору	34
Юбилей композитора	35
Смещение акцентов	37
В автобусе	38
В поезде	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сюжеты Рассказы, эссе, роман

Валерий Богушев

© Валерий Богушев, 2020

ISBN 978-5-4483-4610-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Магия печатного слова

В школьные годы я жил и учился в трудовой-мастеровой воспитанной знаменитым земляком Ямской слободе. Несколько жилых многоэтажек и частный сектор сжимали со всех сторон железная дорога с Курским вокзалом, завод «Сельмаш», работавший в три смены и заполонивший зерноочистительными машинами все улицы и переулки; трамвайное депо, в которое мы лазили через забор за бронзовыми пластинами, напоминавшими золотые слитки; да травивший всю округу едкими мыльными запахами жиркомбинат, в котором когда-то в молодости работал Андрей Платонов.

Класса с пятого я стал покупать на сэкономленные от пирожков на переменах деньги в единственном на весь город киоске с зарубежной прессой, который располагался в железнодорожном вокзале сразу налево от главного входа, газету английских коммунистов «Морнинг стар», болгарских – «Рабочее дело», польскую «Трибуна люду» немецкую «Берлин Цайтунг». А еще еженедельник «За рубежом», где печатались обзоры зарубежной прессы. В заграничных газетах расшифровать удавалось немного с моим начальным английским, зато картинки и фото давали много пищи для воображения недоступной и какой-то иной загадочной жизни.

Еще одной страстью стала книжная лотерея. Стоила она двадцать пять копеек (по цене пяти пирожков) и продавалась во всех книжных магазинах. Надо было вытащить билет из прозрачного барабана, оторвать края с двух сторон свернутого в несколько слоев бумажного квадрата, развернуть и прочесть результат. Выигрывать удавалось пятьдесят копеек, иногда рубль или три и совсем уж редко пять рублей. Но чаще всего взгляд наткнулся на безжалостную надпись «Без выигрыша».

На выигранную сумму можно было приобрести редкие книги, особенно приключенческие, детективы и фантастику, которые никогда не появлялись в свободной продаже. Постепенно эта лотерея превратилась в настоящую страсть. Вы читали когда-нибудь «Игрока» Достоевского? Так вот, это очень похожие состояния. За несколько лет мне удалось научиться «ловить удачу», так что однажды в десятом классе смог сразу вынуть из барабана пару билетов на три и пять рублей.

Читал запоем фантастические романы Александра Беляева, Конан-Дойла и Герберта Уэллса вперемешку с «Семью парами железных ботинок» Шубина и «Васей-капиталистом» Третьякова. Многие особенно ценные экземпляры покупал на те же выигравшие билеты в букинистическом магазине на углу Кольцовской и Плехановской, располагавшемся напротив нынешней «ГЧ».

Казалось, книги имели какую-то волшебную силу, которая могла в любой момент перенести в иные захватывающие миры и счастливые состояния. Собственные книги в этом отношении доставляли больше удовольствия, чем библиотечные, поскольку были всегда под рукой, и с ними не надо было с грустью расставаться после двухнедельного обладания.

Ясное дело, что чтение запоем столько книг не проходит бесследно. Со временем рука тянется к перу, просто чтобы самому попробовать, как работает эта магия слова. Но прежде чем стало хоть что-то получаться, пришлось перевести на черновики кучу бумаги сначала в стихах, а потом и в прозе.

С большим опозданием, уже после окончания политехнического института, набрался смелости и принес первые рассказы в красивое старинное трехэтажное здание по улице Плехановская, 3, где располагалось Воронежское отделение союза писателей СССР. Меня пригласили в литобъединение, которое вел прозаик Валерий Алексеевич Баранов. Оно собиралось поначалу два раза в месяц, а потом, в силу того, что интерес к литературе стал вытесняться более приземленными устремлениями, все реже и реже. Пожалуй, с этого момента началась

моя вторая потаенная жизнь в литературном пространстве, которая шла параллельно с творчеством и работой на заводе ради заработка. Эта жизнь была подчас более интересной и насыщенной, чем выдуманные сюжеты.

Чайный клуб

В центре города напротив рынка во флигеле на втором этаже несколько лет подряд собирались любители поэтического слова. Сюда заходили студенты и студентки, влюбленные парочки, лица без определенного рода занятий и постоянного места жительства, но с философским складом ума, местные поэты разного уровня мастерства, таланта, пола и возраста.

Чайный клуб – прибежище поэзии

Каждый мог почитать свои стихи или понравившиеся чужие, приветствовались короткие рассказы и отрывки из Макса Фрая, – словом, все что показалось необычным, «прикольным», вызывающим восторг и требующим с кем-нибудь поделиться, полулежа на полу на подушках.

В паузах между выступлениями гостей и приготовлением чая с соблюдением всех правил китайской чайной церемонии читала стихи поэтов Серебряного века и современников хозяйка клуба Алена, питавшая безграничную любовь к художественному слову и заражавшую этой любовью всех посетителей. Она же комментировала прочитанное, приглашая к обсуждению и обмену впечатлениями.

В конце октября 2015 года в Чайном клубе состоялся творческий вечер молодой и очень талантливой воронежской поэтессы Марии Соколовской. Во время этого лит вечера возникла такая особенная трепетная атмосфера – над присутствующими парил дух истинной поэзии и вселенской любви. Сначала Мария Соколовская читала свои новые стихи и стихи из сборника «Ежели», потом говорили о стихах, о жизни, о современной поэзии и поэзии Серебряного века с чтением понравившихся стихов. Среди присутствовавших были люди пишущие. Их стихи были хороши. А еще была чайная церемония и каждый смог попробовать терпкий масала-чай с молоком, приготовленный хозяйкой чайного клуба Аленой по просьбе Марии.

Всем понравились стихи и монолог кажется из Шекспира, который артистично и самоабвенно исполнил поэт Виктор Один со свойственным ему мастерством и даром перевоплощения.

Увы, из-за надвигающихся кризисных явлений в экономике Чайный клуб вскоре был закрыт до лучших времен...

2016

Зимой в Козловке

В 180 километрах от Воронежа в селе Козловка жила моя бабка. Гостил у нее обычно летом, но однажды каким-то ветром занесло туда на зимних школьных каникулах.

Помню нашу собаку на цепи в рождественскую снежную ночь. Ветер так и свищет, бросая на землю тучи снега, а Рекс, полузанесенный сугробом, спит, свернувшись кольцом.

Может быть, его бы совсем занесло, но я, пораженный и испуганный, окликнул спавшую собаку. Рекс поднял голову, потом встал, завилял хвостом и стал отряхиваться. Я взял лопату и принялся выгребать со двора снег.

А метель мела и мела, и из окна лился, теряясь в темноте, яркий свет. Соломенная крыша дома вся белая. От работы стало жарко. Рекс ходил на цепи, поглядывая на меня и шуря глаза от снежной пыли. Сделать бы ему конуру, да завтра чуть свет вставать на автобус в город.

Ах, эта жизнь!

28 апреля 1973 г.

До лучших времен

Временами их было только двое во всем городе.

– А что, брат Авенариус, не взять ли нам по бутылочке пива? – говорил бывало один, когда по вечерам после лекции заходили в закусточную в центре.

– Непременно взять, дружище Мах, – отвечал другой, и они заказывали пива и горячих сарделек.

На столах всегда стояла свежая горчица, выжимающая слезы. Они неторопливо ублажали ноющие от голода и новых знаний желудки. После прощались, так как в небе уже появлялись звезды, либо, по настоянию Авенариуса, посещали еще шашлычную, где продавался на разлив портвейн «Кавказ» или «33». Иногда вместо этих заведений они заглядывали в магазин минеральной воды, где поправляли здоровье, глотая солоноватую воду под ветвями какого-то большого растения и испытывали умиротворенность и просветление, Авенариус называл это «зайти к княжне Мэри».

Происхождению столь странных имен, которыми они только и называли друг друга, да и то в редких случаях, они были обязаны написанию одного на двоих реферата по философии. Писали его по выходным в научной библиотеке. Благоговейная тишина в читальном зале и пиво буфете располагали к творчеству. Заканчивалось оно тем, что оба высказывали в коридор, давясь беззвучным смехом от какого-нибудь пустяка, и решали, что, пожалуй, на сегодня достаточно, сдавали книги, забирали рукопись с несколькими новыми листами, исписанными разными почерками, – мелким – Маха и крупным, размашистым – Авенариуса, – и выходили на улицу.

Мах впервые увидел ее еще с полгода назад в студенческом городке, когда расцвели в лесу подснежники сплошным голубым ковром, а на пустырях повылазили из влажной земли нежнейшие желтые одуванчики. Она шла по тротуару навстречу. Сказать, что она была прекраснее весеннего дня – мало. Распущенные золотистые волосы до плеч залиты солнцем, в больших карих глазах загадка, гипноз, сияние звездных миров и еще бог знает что, немного вздернутый носик и надменные чувственные губы. Ее лицо выражало какое-то недоступное другим знание или видение. Это все, что он успел заметить за один короткий взгляд, кроме изысканной, умопомрачительной походки. Когда они поравнялись, ему показалось, что молния пронзила его насквозь, вздрогнула вселенная и остановилось время. Но он шел, удаляясь все дальше, светило солнце, дул прохладный ветерок, и стало ясно, что все это лишь показалось. Потом она встречалась ему очень редко, но эффект был похожим.

Конечно, такая совершенно недостижима для него, и следует относиться к этому философски. Воображение и опыт позволяют представить любой шаг, жест, разговор, ситуацию, путь. Бедняк может считать себя богатым, а богатый – нищим. Не слишком трудно представить все оттенки чувств, все возможные повороты беседы, самые экзотические путешествия, восторг любви, но нам зачем-то требуется действие, которое, впрочем, оставляет лишь зыбкий след в памяти, тут же переходя в область воображения.

Однажды он показал незнакомку Авенариусу, когда та в перерыве между парами выходила со своей группой из аудитории. Авенариус удивился, похвалил вкус друга и, несмотря на протесты, обещал содействие. В ее группе у Авенариуса, поддерживавшего дружеские отношения с половиной института, были знакомые девушки.

Через несколько дней он объявил, что вопрос решен. Сегодня после занятий они должны отправиться во дворец культуры на праздничный вечер, где их обещали ей представить.

– Остальное будет зависеть от тебя, – предупредил Авенариус тоном, не терпящим сомнений, а, тем более, возражений. – Ее зовут Юля. Она занимается в танцевальном ансамбле. Подробнее узнаешь сам.

Вечером они с большими трудностями проникли по одному пригласительному билету во дворец. Протиснулись через оживленно гудящий людской улей на второй этаж в буфет и подошли к столику, около которого стояли три девушки. Одна из них, в подчеркивающем королевскую осанку платье, была она.

Авенариус непринужденно поприветствовал свою знакомую. Та представила своих подруг, которые при этом подавали руку, и Мах с восторгом падения в пропасть прикоснулся к Юлиной руке и заглянул в самые прекрасные на свете глаза. Он принес бутылку шампанского со стаканами, пока его приятель развлекал девушек. Юля пила вино маленькими глотками и всех внимательно слушала, вскидывая на говоривших свои большие черные глаза. Немного отпив, поставила стакан на мраморный столик и сказала:

– Спасибо, мне больше нельзя: буду пьяная, а предстоит еще танцевать на концерте.

Ее голос казался музыкой и проникал в самое сердце.

– Что ты будешь танцевать? – спросил Мах.

– Мы подготовили два танца. Один – современный, эстрадный, а другой – народный.

Извините, пора.

* * *

В большом волнении он подошел к ней после концерта. Но Юля и судьба были к нему благосклонны. Когда какой-то молодой человек в коричневом костюме предложил ее проводить, она сказала:

– А меня уже провожают.

Маху было приятно, что ему отдано предпочтение.

Они вышли на улицу. Стояла теплая осенняя ночь. Юля повела его на автобусную остановку через дорогу. Ее дом оказался на самой окраине. Они с полчаса разговаривали около подъезда, изредка замолкая и прислушиваясь к шороху теплого ветерка в опавших листьях на асфальте. Было чувство всеобщей, ничем не нарушаемой гармонии. Он был готов пешком добираться домой на другой конец города, если закончится движение автобусов, лишь бы продлить это счастье стоять рядом, слушать ее и смотреть в прекрасные, поблескивающие как угольки, магнетические глаза. Но вот она сказала, что ей пора.

– Когда я смогу увидеть тебя еще? – спросил он с надеждой.

– А мы не зайдем слишком далеко? – ответила она вопросом, который он предпочел не понять. – Через неделю у меня будет концерт на той же сцене, что и сегодня, в воскресенье, в четыре часа.

– Я обязательно приду.

– Сколько человек у тебя в семье?

– Четверо.

– Значит, я буду пятая, – произнесла Юля, словно размышляя вслух. Он ничего не успел подумать, она подала на прощание теплую руку, улыбнулась произведенному последней фразой впечатлению, сказала «до свиданья» и скрылась за дверью.

* * *

Неизвестно, дожил ли бы Мах до обещанной через неделю встречи, но через день, в субботу случилось невероятное. В третьем часу дня он вышел из дома погулять, как вдруг увидел Юлю с увесистой посылкой в руках. Она спускалась по ступенькам почты, расположенной поблизости.

– Как ты сюда попала? – спросил он, восторженно и удивленно рассматривая ее лицо.

– Посылку получала, – ответила Юля. – Знакомые прислали на старый адрес. Приехала в отделение связи, а оно закрыто на ремонт, и объявление висит на двери: обращаться сюда.

Такое объяснение еще больше поразило Маха. Сколько произошло случайных совпадений, чтобы он ее сейчас встретил. Знакомые послали посылку, не зная, что они уже переехали. Старую почту закрыли на ремонт и перевели в отделение связи по соседству с его домом. Юля получила посылку в тот момент, когда он случайно проходил мимо. Просто чудо, а он уже перестал было верить в чудеса.

– А ты что здесь делаешь? – спросила Юля.

– Я живу вон в том доме. Раз уж судьба тебя сюда послала, пойдем ко мне в гости.

– Нет, спасибо, я спешу.

– Тогда давай помогу донести посылку, – предложил Мах. Он боялся, что праздник встречи сейчас закончится.

– А это удобно? – спросила она, секунду поколебавшись.

– Конечно, – развеял ее сомнения Мах и получил заветный груз.

Они с пересадкой на двух автобусах добрались на другой конец города. Около двери ее квартиры с овальным номером семьдесят девять на третьем этаже – этому открытию незначительных деталей ее жизни он радовался, как нищий неожиданному богатству – Мах остановился, собираясь отдать ящик и распрощаться, но Юля сказала:

– Сначала попьем чай.

Она открыла ключом дверь, и Мах следом за ней переступил порог ее жилища.

Об этом он и мечтать не мог.

Домой вернулся поздно, совершенно счастливый, перебирал в памяти подробности беседы с ней и ее родителями за чаем, осветленным аскорбиновой кислотой.

Наступила зима. Декабрь начался чистым снежным покровом и легким морозцем.

– Что же ты не расскажешь, как твои дела с Юлей? – поинтересовался на лекции Авенариус. Услышав краткий рассказ, сказал:

– Однако ты делаешь успехи. Тебе сейчас нужно завладеть инициативой. Пригласи ее в ресторан, и меня заодно.

– А тебя зачем? Третий лишний, – возразил Мах, усмехнувшись.

– Отнюдь, дружище, – ответил Авенариус, – у меня есть опыт в таких делах, я тебе помогу.

В его словах чувствовалась искренность и уверенность, и Мах согласился. В среду они вдвоем ожидали Юлю после занятий около входа в тот корпус института, который располагался в центре города. Занятия у нее там были только раз в неделю, и это было как нельзя кстати. Мах ощущал сладостное, ни с чем не сравнимое томление ожидания. Он нетерпеливо прохаживался между газетным киоском и киоском, торгующим пирожками с ливером по четыре копейки (с котятами, шутили студенты), слушая, как хрустит свежий снежок под подошвами.

Наконец, появилась она в синем зимней пальто с капюшоном, которое так ей шло. Встреча была незапланированной, и он боялся, что она откажется с ними пойти. Авенариус на всякий случай соврал, что у Маха день рождения, и надо бы это событие отметить. Юля согласилась. Они пошли в ресторан «Москва», бывший «Бристоль», в котором Мах никогда не был, а Авенариус чувствовал себя как рыба в воде. О мнимом поводе вспомнил вскользь только раз при первом госте, и Мах был этому рад: врать он не любил.

Зал Юле понравился. Было еще светло, народу мало, официант вежлив и нетороплив, тишина располагала к беседе. Шампанского не оказалось, пили марочный портвейн. Авенариус был в ударе, нес веселую чепуху, что раньше, до революции здесь развлекались с барышнями офицеры, шампанское лилось рекой, а теперь вот сидят они, простые студенты. Он шутил, расспрашивал, вызывал на спор, поражал широтой познаний.

– Какое твое любимое литературное произведение? – спросил он у Юли.

– «Евгений Онегин». А еще мне нравятся тургеневские девушки.

– А любимое время года?

– Зимой я люблю зиму, весной – весну, летом – лето, а осенью – осень.

Провожая Юлю домой, Мах спросил, как ей понравился его друг.

– Общительный молодой человек, – ответила она, подумав.

В ее голосе была легкая ирония.

С каждой встречей Мах все больше привыкал к ней, все труднее переносил дни между встречами. Теперь регулярно три раза в неделю он провожал ее домой после репетиций, кончавшихся в десять вечера. Несомненно, она общалась с ним приветливо, но так, что трудно понять, на чем основано такое отношение.

Перед Новым годом он взял предложенный в группе билет на студенческий вечер все в том же дворце, где состоялось их знакомство, и пригласил Юлю. В назначенное время заехал к ней, и они отправились на праздник. Танцевали три часа с маленькими перерывами. Он скоро выдохся, а Юля весь вечер чувствовала себя в своей тарелке. Танцевать было ее страстью.

– Послушай, зачем я тебе нужна? – спросила она в разгар танцев. – Найди себе девочку стройную, симпатичную.

Мах испугался, что сейчас все кончится. Надо было во что бы то ни стало спасти положение. Кто-то подсказал ему ответ:

– Учится плавать лучше всего на глубине.

– Это первая фраза за сегодняшний вечер, которая выше среднего уровня, – похвалила Юля.

– А остальные? – решил спросить уязвленный Мах, почувствовав, что опасность миновала.

– Остальные – на среднем.

В автобусе после танцев он пересказал ей собственный перевод модной песни «Миссис Вандербильт». Она неожиданно призналась:

– Знаешь, с тобой интересно.

Мах был тронут.

Новый год отмечали вместе у Юлиной подруги в студенческом общежитии за городом. Всю ночь с двенадцати часов танцевали и ходили в гости. Наедине были мало. Было слишком много шума и Юлиных знакомых. Но он был счастлив.

Утром она проводила его до порога, помахала платочком с заснеженных ступенек, немного бледная после бессонной ночи, и осталась у подруги отсыпаться и считать курсовой.

Однажды вечером он пошел к Юле, чтобы повидать ее и пригласить погулять, либо сходить в кино. Она сказала, что только что пришла домой и что завтра у нее экзамен. Его пригласили раздеться, а он не отказался и просидел у нее в комнате до десяти часов, с упоением слушая ее разумные речи, пока не взглянул случайно на часы.

Он расспрашивал ее об ансамбле и говорил, что с тех пор, как знает ее, стал интересоваться художественной самодеятельностью, на что она сказала, смеясь:

– Художественная самодеятельность польщена вниманием такого серьезного человека.

Он неотрывно смотрел на нее, наслаждаясь музыкой ее голоса и лица. Они сидели рядом на диване, который ночью служил для сна, ее непостижимого, таинственного, юного сна.

В комнате одно окно, которое выходило на шоссе, освещенное тусклым светом фонарей и фар редко проезжающих автомобилей. Вдали на холме рассыпаны огоньки соседнего селения. Этот ландшафт окраины она видела каждый день, утром и вечером ее взгляд скользил по этим полям и перелескам. И вот благоприятное стечение обстоятельств позволило бедному студенту попасть в ее манящий мир.

Она много и откровенно рассказывала о себе, показала альбом со своими фотографиями, а в десять они тепло распрощались, и он не знал еще, что это был последний день затянувшегося везения.

* * *

В самом начале Мах беспечно интересовался, чем окончится эта история, и вот, когда он уже начал верить, что она будет продолжаться всегда, неожиданно и оттого больней произошел разрыв. Церемония прощания состоялась на обледенелой скамейке в заснеженном сквере. Она отпросилась с репетиции ради этого случая.

– Нам больше не надо встречаться, – сказала она.

Он не стал возражать, почувствовав по ее настроению бессмысленность протеста. Он выразил сожаление, она сказала утешительные фразы.

– Я провожу тебя. В последний раз, – предложил он.

– Не надо. Ни к чему, да и не поздно.

Она ласково улыбнулась, говоря «до свидания» и ушла. Он долго растерянно смотрел ей вслед.

В конце января начались зимние каникулы, и Мах, который никогда так успешно не сдавал сессии и никогда так мало не готовился к экзаменам (заваленную теорию автоматического регулирования он пересдал на «отлично»), с чистой совестью отправился в Ленинград. Он никогда раньше не бывал в этом городе, загадочном и притягательном оттого, что им восхищалась она. А кроме того, Юля говорила, когда ему еще везло, что собирается съездить туда на каникулах, и его радовала возможность побыть с ней в этом городе, даже врозь.

Он никак не мог привыкнуть к образу жизни, который не тяготил его раньше.

Вновь и вновь вспоминал подробности последнего вечера.

Торжественно-прохладный и сочувственный мягкий тон, которым она произнесла свой приговор, до сих пор отдавался внутри внезапным ознобом. Он прощался с ней и еще не верил, что это конец его надежд и беспокойного счастья. Содрогался при мысли, что теперь никогда не будет ожидать ее после репетиции, провожать на противоположный конец города и возвращаться домой через пустынный парк в первом часу ночи, никого и ничего не боясь. Ужасно не услышать впредь потрясающих рассказов об Эрмитаже и впечатлениях от книги Герцена «Былое и думы», которую он никогда не собирался до этого читать. Ничто теперь не заманит его из дома в столь поздний час.

Самолет приземлился в десять вечера, а около двенадцати несчастный философ чудом попал в пустой двухместный номер гостиницы «Ленинград». Принял душ и лег спать в свежую постель почти с наслаждением. Он тут же заснул. Сон не был тревожным и беспокойным впервые за последние дни. Утром встал в хорошем настроении от предвкушения знакомства с великим городом, которым бредила она. Номер уютный, стены украшены полосами коричневого дерева, в углу телевизор, на столе телефон. Жаль, что некуда позвонить. Из окна видна «Аврора» в заснеженном льду Невы. Когда оделся и открыл дверь, увидел двух пожилых женщин, замыкающих дверь напротив. Они оживленно говорили по-английски. «Господи, куда я попал,» – подумал он.

Он вышел на набережную, не зная с чего начать, все было одинаково незнакомо. Ноги сами понесли его вдоль Невы, пока не оказался перед Зимним дворцом. Именно таким он видел его на цветных открытках. Даже дух захватило. Увидел дверь, в которую все входили, прочитал на вывеске слово «Эрмитаж» и устремился внутрь. Беломраморный вестибюль поверг его в трепет.

Он переходил из зала в зал, пораженный красотой, и предчувствовал что-то необычное. Останавливался то у одной, то у другой группы с экскурсоводом, выбирая, кто рассказывает о живописи интереснее.

Неожиданно в одном из залов, где висит полотно «Пытка апостола Петра», увидел Юлю. Он почувствовал, что бледнеет от волнения, и подошел к ней.

– Здравствуй, Юлечка, – сказал он и виновато улыбнулся. Она секунду размышляла, потом улыбнулась растерянно и ответила на приветствие, посмотрев на часы.

Он вдруг с новой силой ощутил прилив если не любви к ней, то нежности и ностальгии. Единственным спасением, а, может быть, просто минутной слабостью было уйти с проходящей мимо группой экскурсантов, которыми оказались англичане. Меньше всего он хотел показаться навязчивым. Но через минуту его потянуло назад, однако, в том зале ее группы уже не было. Прошел еще несколько залов, но так и не смог ее найти. На стенах мелькали ставшие неинтересными и ненужными полуобнаженные мученики, графини, купидоны, огромных размеров натуралистические композиции из жертв кулинарии. Впрочем, он сам не мог понять, зачем бросился ее искать. Чего еще он ждал? Что нового мог сказать или услышать? Трезво поразмыслив, заставил себя направиться к выходу.

Выйдя из Эрмитажа и немного поколебавшись, зашагал по набережной Невы к гостинице. Почти не встречались прохожие. Вечерело, было сыро и мглисто. Лучшая обстановка для томящейся болью души.

Только вечером следующего дня в его номер поселили нового жителя. Им оказался пожилой солидный мужчина, профессор из Москвы, прилетевший на семинар по электронике. У него был пригласительный билет на два лица, он предложил Маху пойти с ним завтра послушать доклады, но тот отказался от соблазна: срок поселения истек, а надо было еще многое успеть увидеть.

Поговорив с профессором, который сначала предлагал выпить с ним водки, извлеченной из портфеля, а потом, почти всерьез, свою дочь в жены, Мах вежливо отказался от того и другого и отправился в ресторан при гостинице поужинать. При входе элегантный молодой человек, записав номер его комнаты и фамилию, пригрозил в чем-то разобраться и только после этого провел к столику.

Впрочем, бдительность молодого человека легко объяснялась при первом же взгляде на зал, заполненный почти одними иностранцами. Бедный студент с испорченным настроением наскоро проглотил осетрину, запеченную в картофеле и сто пятьдесят вина из хрустального графинчика и, даже не захмелев, вернулся к себе.

Его настроение еще больше ухудшилось, когда побеседовал на сон грядущий с профессором, опустошившим уже бутылку и сбившимся на раздраженно-оскорбительный вздор, напоминающий бред. На столе лежала на обрывке газеты горка хвостов и голов от кильки, служившей закуской. Чтобы избавиться от тоски разочарования, Мах разделся и лег спать.

Наутро оптимизм снова вернулся к нему. Его знакомый попросил извинения за вчерашнее, привел в порядок стол, снова был приветлив и вежлив. Мах тепло распрощался с ним и покинул гостиницу, потому что вечером собирался уезжать.

Весь день он бродил по Ленинграду, потом купил билет в стереокино на Невском и решил поискать место, где можно было бы провести время до начала сеанса – больше двух часов. Его внимание привлекло величественное здание с колонами, мелькнувшее в переулке, и он пошел на него взглянуть. Это оказался Русский музей. До его закрытия оставался всего час. Он зашел туда и в одном из залов вновь встретился с Юлей. Если бы ему сказали раньше, что такое возможно, он бы недоверчиво усмехнулся. Это было похоже на везение в карточной игре. Даже сейчас, когда все кончилось, что-то вне их воли было против того, что они больше не виделись.

Он не знал, что сказать от неожиданности, и спросил зачем-то, на чем она приехала в Ленинград.

– На поезде, – ответила она равнодушно и устало.

– А я на самолете. Что-то мы с тобой так странно встречаемся.

– Да, удивительно.

Он с мучительным счастьем смотрел на ее прекрасное, монашески отрешенное от суеты и от него лицо, пребывающее в вечности вселенной и думал: «Вот она манящая, дразнящая

и недоступная судьба. Для нее творили художники всех времен, построены дворцы и совершалось все значительное на земле.»

– Я сегодня уезжаю, – сказал он.

– Что так рано? – спросила она, скорее всего, из вежливости. – Ну, ладно, мне туда.

Она кивнула на следующий зал.

– Можно мне с тобой? – спросил он наудачу, внезапно поняв, что ему нечего терять, и что он чувствует терпкий вкус жизни только рядом с ней.

– Нет.

– Почему?

– Я люблю одна.

Они снова расстались.

Она стала изредка сниться ему по ночам, чего никогда не случалось, когда снилась ему наяву.

Тоска о ней стала единственным чувством, заполнившим мир. Он по инерции продолжал жить, двигаться, ездить на лекции и выполнять задания, но не видел в этом никакого смысла. Воспоминания и всепоглощающая тоска, – вот и все, что осталось.

В воскресенье двадцать седьмого февраля Мах и Авенариус писали все тот же философский трактат в читальном зале. Закончив очередную главу, они вышли из библиотеки и решили прогуляться по близлежащим улочкам.

Было еще светло, с сосулек падали на тротуар редкие капли. Авенариус, как обычно, запел вполголоса мелодичную песенку «Битлз». Пока они шли, он исполнил, должно быть, целый альбом. Раньше, бывало, и Мах мурлыкал одновременно что-нибудь свое из «Ти Рекс» или «Битлз», но теперь ему не пелось. В одном из переулков Авенариус встретил знакомого с длинными волосами, заменявшими ему шапку, с потертым портфелем в руке. После обмена приветствиями и несколькими свежими анекдотами, парень предложил им выпить, показав лежащий на дне портфеля огонь и граненый стакан. Авенариус охотно согласился, а Мах возражать не стал. В укромном уголке скверика они выпили по стакану червивки и распрощались с добрым малым. Вино без закуски оказало на двух философов-идеалистов странное действие. Авенариус предложил немедленно ехать к Юле, и Мах не смог устоять перед соблазном прервать хоть ненадолго эту муку отлучения.

Через каких-нибудь полчаса они стояли перед заветной дверью, и Мах, бледный от волнения, счастья и страха, нажал на кнопку звонка. Открыла Юля в знакомом нарядном платье.

– Мы в гости, – сказал Авенариус.

– У нас уже есть гости, – сказала она, обводя их растерянным взглядом, – а, впрочем, проходите.

В ее глазах мелькнули знакомые озорные искры, говорившие о том, что сюрпризы – в ее вкусе.

Их познакомили с гостями и усадили за стол выпить штрафную. Гостиными была семья, недавно переехавшая из Сахалина. В этой семье был сын одного с ними возраста. Без труда можно было догадаться, что он тоже не избег Юлиных чар. Мах сразу понял, что, если Юля не переменялась, а это было невероятно, парню повезет не больше, чем ему.

Мах вел себя как человек, который уже все потерял: независимо и непринужденно. Он смотрел на нее, танцевал с ее мамой и даже с ней. С Юлей не проронил ни слова, зато с мамой наговорился вдоволь, осыпая вопросами. Ему хотелось зачем-то узнать напоследок побольше.

Потом Авенариус ушел на кухню курить с ее папой, а Юля поставила очередную пластинку с модной песней «Гуд бай, мама» и пошла танцевать со своим новым поклонником.

– Ты что приуныл? – спросила она у Маха насмешливо из-за плеча партнера.

– Да так, музыка навеяла, – отвечал он с фальшивой бодростью.

– Ничем не могу тебе помочь, – сказала Юля.

Он промолчал. Ему было все равно, и он был довольно пьян. Авенариус несколько раз уже предлагал уйти, но он все оттягивал, пока не заставил себя понять, что они засиделись. Пошли в прихожую одеваться. Юля и ее знакомый подали на прощание руку. Ее рука была такая же теплая, как в первый вечер.

– До свидания. До лучших времен, – сказала она.

– А когда наступят лучшие времена? – поинтересовался он.

– Не знаю, – она на секунду задумалась. – Не скоро.

1976

Опубликовано в ж-ле «Орел и Скорпион» №2 1997 г.

Преддипломная практика

Перед тем, как отправиться на преддипломную практику в Армавир, я ездил в Ригу.

На обратном пути с нами ехала немка Карри. Кроме нее в купе были ещё мой ровесник, рабочий с авиазавода, очень общительный парень и армянин лет двадцати семи. Естественно, Карри стала предметом нашего любопытства, ибо не каждый день приходится общаться с хорошенькими иностранками.

Выяснилось, что она студентка пединститута в каком-то немецком городе, проходит стажировку в Минске, сейчас у нее каникулы, и она едет к своей подруге в Орёл. У нее получалось «в Огёль», и мы не сразу сообразили, что это за город. Оказалось, она пьёт чай и кофе без сахара, любит пиво и не собирается замуж до двадцати пяти лет, по той причине, что у нее много друзей, и она любит танцевать.

Вернулся в Воронеж в воскресенье, а на следующий день, в понедельник уехал в поезде со своими десятью товарищами в Армавир, ещё находясь под впечатлением путешествия в Ригу. Дорогой мы пили закупленную перед отъездом водку и играли в карты.

По приезду на завод, нас направили в Дом колхозника. Мы долго ехали автобусом и вышли не на своей остановке, из-за чего пришлось изрядно пилить пешком с тяжелыми чемоданами. В Доме колхозника нас приветливо встретили и поселили всех в одной большой комнате.

Вечерело. Поужинали в столовой неподалёку и всем табором отправились осматривать достопримечательности центральной части Армавира: базар, магазины, кинотеатры, площадь Ленина с великолепным современным облицованным белым мрамором высотным зданием районной и городской власти. Поразило обилие парков и аллей, пересекающих город сплошными полосами вдоль улиц по всем направлениям. Армавир мне сразу понравился своим неизъяснимым своеобразием. Что-то в нём было трогательного, берущего за душу, поэтического, южного и восточного одновременно. Да и люди были какие-то особенные, открытые, спокойные, уверенные в себе.

По вечерам, возвращаясь в Дом колхозника после целого дня шатаний по заводу и по городу, мы допоздна слушали радио, играли в карты, курили, пили вино или пиво. Я и Вадик обычно не участвовали в этих мероприятиях и занимались своими делами. Вадик писал письма, листал журналы, а я изучал купленный том биографии Ленина, которая давала много поводов для размышлений. «Вот человек, – рассуждал я, – вроде бы с обычной биографией, какая у многих, так же, как многие, в двадцать один год получил высшее образование, а столько успел. Трудно было бы любому другому предвидеть то, что предвидел он, бороться за то, что казалось недостижимо далеко и добиться цели». Некоторые поразительные факты биографии я зачитывал вслух. Ребята высказывали свои соображения...

Под Новый год почти все разъехались домой. В Армавире остались только мы с Валерой Н. Чтобы как-то развеять скуку, решили с ним поехать в Кисловодск. Утром встали пораньше. Долго ожидали на остановке автобуса, ёжась от холода. Наконец, добрались до автовокзала, билеты были куплены накануне, и оставалось еще около получаса до отправления. Хотели позавтракать, но буфет оказался закрыт...

За пару часов добрались до Минвод и пересели на электричку, которая доставила нас на кисловодский вокзал. Как давно я здесь не был! Целых шесть лет прошло с моего первого посещения этих мест. Тем приятнее было узнавать прежние черты и находить новые в облике этого любимого богом города.

Самое острое воспоминание первого посещения Кисловодска – киоск со старинными книгами. Там было собрание сочинений Конан-Дойла ещё тысяча девятьсот, кажется, седьмого года, которое стоило триста рублей; издававшиеся при жизни авторов стихи Бальмонта

и Северянина (35 рублей), журналы, подшивки старых газет; были ещё прижизненные Достоевский и Пушкин – чудом не развалившиеся тома... и всё притягивало, как магнит, я подолгу простаивал перед стеклом, сожалея, что не было денег. Если бы были, я бы всё купил. Теперь мне было не до редких книг...

Всю дорогу нам сопутствовала пасмурная, холодная погода, а здесь светило солнце, морозец был самый маленький, и пахло весной. Казалось, и в жизни после череды неудач вот-вот наступят погожие дни.

Мы с приятелем, который оказался в городе-курорте впервые и не мог скрыть восхищения, поселились в гостинице «Кавказ». Вечером пошли погулять по городу, очень неплохо поужинали в столовой, попили противного теплого нарзана в нарзанной галерее, утешаясь тем, что он весьма полезен при нашем беспорядочном образе жизни, потом посетили магазины. Купили бутылку красного красnodарского шампанского, лимонад, колбасу, конфеты и отправились в свой номер. Часок выжидали за разговором, пока не захотелось есть, откупорили бутылку и уничтожили все закупленные запасы. Было тепло на душе, как уже давно не было. Так мы и заснули, слушая радио и болтая.

Расставшись утром с приятелем, который решил вернуться в Армавир, я еще не знал, куда поеду. Потом решил дойти до автовокзала. Хотя утром морозило, сейчас пригревало солнце, воздух был свеж и чист, как нарзан, и хотелось совершить что-нибудь эдакое. Стал изучать расписание. Хорошо бы уехать в Тбилиси. Но оказалось, что автобус туда ходит только летом. Отказываться от путешествия не хотелось, и я взял билет до Нальчика, вспомнив известную песенку в исполнении Комара:

Две полудевочки, один примерный мальчик,
Который ездил побираться в город Нальчик.

(Кто-то из моих приятелей полагал, что полудевочка – это девочка, которая не целована ниже колен).

Итак, я не устоял перед соблазном путешествия по Кавказу и не пожалел об этом. Дорога покрылась вскоре густым туманом. Хотя ничего не было видно вокруг, что-то пело внутри. Неподалёку сидела прекрасная девушка-горянка. Хотелось смеяться от неизъяснимого, безотчётного счастья.

Что я буду всегда помнить о Нальчике? Горы, которые видны почти отовсюду, незнакомую речь на улицах и по радио в гостинице и одного местного старика-кабардинца, который на тривиальный вопрос приятеля-русского, «как дела?», бодро ответил с акцентом:

– Спасибо большое, хорошо!

Чтобы было что рассказать о городе, необходимо непременно попробовать местного пива. Пиво в Нальчике оказалось неплохим. Около пивного киоска стояли и нестарые мужчины в национальных одеждах с кинжалом на поясе. С непривычки приходилось с опаской коситься на холодное оружие в антикварных, старинной работы ножнах.

Вечером в гостинице неожиданно навалились разом усталость и отчаяние рухнувших надежд. Одиночество рождало гордое ощущение всемогущества и чувство полной невозможности что-либо изменить.

Наутро я вышел из гостиницы и направился к гряде гор, тянущейся за городом с целью покорить какую-либо вершину. Я шёл полдня, шёл до ломоты в ногах и лишь приблизился к манящей гряде, но путь к ней преградило гигантское ущелье с совершенно отвесными стенами и шумящей далеко внизу рекой. Да и сил уже не оставалось для того, чтобы достигнуть вершины, и я побрёл назад, проделав тот же долгий путь к Нальчику.

Мне стало грустно путешествовать одному, и я отказался от запланированной было поездки в Орджоникидзе, где жила прекрасная гречанка Галя Симеониди со своей тётёй. Воз-

можно, они давно уже забыли одинокого беззаботного студента второго курса. Мы беседовали по вечерам в доме недалеко от вокзала в Гудаутах и ходили на вокзал пить газировку с зелёным сиропом, которую продавали допоздна...

Раньше жизнь сама цепко держала меня в своих когтях, теперь же она безжалостно отпустила меня, и приходилось самому за неё цепляться.

1977

Мое второе «я»

Мой завод построен с десяток лет назад финнами по самым современным технологиям. В совершенном одиночестве «поработав с документами» в своем огромном офисе, доставшемся в наследство от целой перспективной лаборатории, сокращенной за ненадобностью, каждое утро прихожу в огромный светлый цех с десятками молодых и не очень девушек и женщин, собирающих на конвейере электронные платы для телевизоров. Меня встречают производственными вопросами, которые «вскакивают» чаще, чем надо, того сорта, что сразу и не сообразишь, и как ни поступишь, горько пожалеешь. Однако, раздумывать некогда, принимай, конструктор, решение, иначе вычтем из зарплаты за простой конвейера. Пожалуйста, огрызаюсь я, только навряд ли этой жалкой суммы хватит. И приходится быстро «въехав» в ситуацию, выбрать из нескольких зол меньшее.

Когда-то я разрабатывал электродвигатели для видеоманитофонов, потом пришлось осваивать вентиляторы, теперь вот, чтобы не оказаться на улице, телевизоры... Как ни странно, ежедневная беспокойная заводская круговерть доставляет мне удовольствие.

– Предатель! – иногда бросает мне в лицо малознакомый человек, имеющий нескромность заявлять, будто родился на родине Имануила Канта через одиннадцать лет после последнего завоевания ее у немцев и, будто бы, не успев вволю надышаться влажным и соленым воздухом Балтийского моря, в возрасте одного года попал на родину своей матери – к бабке в отдаленную степную глубинку в бывшие северо-западные владения Золотой орды с дошедшими до наших дней еще более древними курганами скифов вдоль поросших крапивой, камышом и ивами берегов тихой, извилистой речки Елань.

В четыре года его ожидал новый переезд, на Дон при впадении реки Осередь, в город Павловск, облюбованный когда-то Петром для постройки русского флота, переживший при царь-реформаторе невероятный взлет, за который потом расплачивался двумя столетиями забвения, упадка и бедствий. Замечательный, живописный, патриархальный городишко был словно специально создан для счастья, не успевшего ничем омрачиться вплоть до еще одного перемещения – теперь в областной город, где мой оппонент, десяти лет отроду, поселился в Ямской слободе, воздух которой, по-видимому, не меньше, чем воздух Парижа, благотворен для расцвета литературных амбиций.

По окончании школы, расположенной рядом с Курским вокзалом, в выпускном сочинении на тему «Кем я хочу стать» человек сей на четырех проштампованных листах, с привлечением цитат из классиков обосновал свой жизненный выбор, который, увы, не пал ни на одну из традиционных общепризнанных профессий рабочего, инженера, врача, педагога, или военного. Автор сочинения написал, что хотел бы стать поэтом, чем вызвал панику у экзаменационной комиссии.

– Будь человеком, перепиши на что-нибудь более реальное, а кем станешь на самом деле – не важно, – дружно уговаривали учителя молодого человека. – Это же в районы пойдут!

– Нет. Я написал, в полном соответствии с темой, кем хотел бы стать, а не о том, что может выйти на самом деле, – не согласился непреклонный молодой человек, стоявший на пороге жизни.

Теперь самое время открыть секрет. У этого человека тот же паспорт, что и у меня, из чего, к сожалению, не следует, что он и я – это одна и та же личность. Скорее всего, из-за моего обывательского благоразумия человек, олицетворяющий мое второе «я», так ничего и не достиг в поэзии, если не считать нескольких удачных строчек, и однажды окончательно скатился на прозу.

Печататься он начал в тридцать девять ради небольшого дополнительного заработка (гонорара за рассказ хватало на два ведра картошки), так как началась экономическая

реформа, и промышленное производство, в котором я добывал хлеб насущный, стало разваливаться на глазах.

Он утверждает в своё оправдание, что хотел просто, без архитектурно-стилистических излишеств, описать не очень-то веселые и приятные реалии. В те времена мало кто пытался высказать правду-матку в художественной форме. Многие до сих пор не подозревают, что творилось за высокими заводскими заборами, в квартирах, умах и душах жертв шоковой терапии. Сознание безнадежности, недостаток живописной техники или пустой желудок не позволили ему облечь происходящее в яркую, сверкающую словесную оболочку (как блистательно делает Проханов, играя на шокирующем контрасте «свинцовой мерзости» описываемых явлений и сочной яркости изобразительных средств).

Можно как угодно относиться к этим несовершенным опусам периода первоначального накопления капитала, но до сих пор остается загадкой, почему сразу после опубликования в «Береге» рассказа «Чужая родина» (1998 г.) был снят со своего поста премьер-министр, а через неделю после фантастического памфлета «Хозяин вселенной» (1999 г.) лишился портфеля секретарь совбеза...

2002 г.

В день рождения Пушкина

В день рождения Пушкина с утра лил дождь. Зонт не спасал от порывов ветра. Пока добрался до завода, коричневые брюки вымокли до колен. Усталое сел за стол и произнес:

– Жизнь прожита бездарно.

– На это были объективные причины? – спросил Андрей Николаевич.

– Скорее, субъективные, – подумав, признал Максим.

«Интересно, все, что происходило последние годы, долго, десятилетиями вызревало в чьих-то мозгах, возможно в зарубежных центрах, или это импровизация?» – подумал он.

Завод, на котором работал Максим, был построен в разгар перестройки, но и сейчас, спустя двадцать с лишним лет, выглядел вполне современно. Каждое утро он приходил в огромный офис, который достался в наследство от лаборатории, занимавшейся перспективными разработками и сокращенной за ненадобностью в самом начале реформ.

Кроме него в комнате сидели еще механик Андрей Николаевич и молодой конструктор Антон. Испытательные стенды, которые они втроем разрабатывали, изготавливали и обслуживали, рабочие, гнавшие план, частенько выводили из строя, и Максиму то и дело приходилось бегать в цех с тестером и отверткой...

Ровно год назад за два часа до конца рабочего дня открылось собрание акционеров, посвященное смене собственника. В отличие от большинства коллег, продавших все свои акции в те времена, когда по полгода задерживали зарплату, Максим оставил на всякий случай сотню штук, и теперь мог из любопытства поучаствовать в голосовании, хотя конечно, его голос ничего не решал. Акционеры заполнили половину актового зала. Здесь были и бывшие работники завода, вышедшие давно на пенсию или устроившиеся в другие места. Их голоса, даже сложенные вместе, тоже ничего не решали, но все были охвачены каким-то безотчетным оживлением от сознания новизны мероприятия, ожидания перемен и, в глубине души, надежды на выплату дивидендов.

Наконец, собрание началось. В президиум избрали по два представителя от самых крупных держателей акций – нынешнего московского предприятия «Зенит», сумевшего наладить выпуск продукции, и нового – «Сапфир», скупившего акции у мелких держателей и претендовавшего на полный контроль.

Первым попросился к трибуне худощавый и интеллигентный представитель «Зенита». На нем не было лица. Волнуясь и запинаясь, он зачитал набросанное от руки на двух сторонах листа заявление о том, что они пришли на завод, когда тот лежал на боку, сохранили оборудование и кадры и несколько лет боролись за увеличение выпуска отечественной электроники, когда о ней даже слышать не хотели в министерских коридорах власти. А новый хозяин пытается прийти на все готовое и снимать сливки. Поскольку не были соблюдены формальности по срокам опубликования даты внеочередного собрания акционеров, все его решения будут обжалованы в арбитражном суде. Тут же в первом ряду встал лысый господин из руководства «Сапфира» и ровным спокойным голосом разъяснил, что все это пустяки, на которые не стоит обращать внимания, собрание следует проводить.

Затем выступил президент акционерного общества. Он объявил, что появился новый крупный держатель акций в лице московского «Сапфира», который уже заплатил вчера два миллиона долга в областной бюджет и полтора в федеральный и обещает развернуть производство. «Кто платит, тот и заказывает музыку», – напомнил он известную поговорку и предложил проголосовать бюллетенями за новый состав Совета директоров. В зале забеспокоились, что не осведомлены о новых участниках игры, и попросили рассказать о них подробнее.

В президиуме поднялся высокий, энергичный, худощавый человек лет тридцати с беспокойным сияющим взглядом черных глаз, обещающим золотые горы, и подтвердил это обеща-

ние короткой энергичной речью о том, как они пришли на уже закрывшийся столичный завод «Сапфир», отремонтировали производственные помещения, закупили современное оборудование, собрали лучших специалистов со всего бывшего СССР, наладили рентабельное серийное производство, и то же самое сделают здесь. Человек этот внушал невольное уважение. Во время перерыва на подсчет голосов его обступили работники завода и стали расспрашивать о том, что их ждет в ближайшем будущем.

– Вы будете получать зарплату, которая вам и не снилась, – пообещал новый хозяин, в победе которого уже никто не сомневался. – Если у вас есть дачи или огороды, забудьте о них. Все, что необходимо, заработаете на заводе.

Дивиденды снова было решено не выплачивать.

«Интересно, сколько я теперь буду получать?» – в радостном возбуждении гадал Максим после собрания, направляясь на автобусную остановку...

Конь на даче

Ездил на дачу закрывать сезон. В калитку, загороженную на уровне колен проволокой, а на уровне груди поперечной жердью, каким-то образом пролез председательский конь Малыш, который все время пасся на улице, свободно разгуливая по дачному кооперативу. Потоптался по огороду, пошел щипать траву под боярышником. Прошел к алюминиевому умывальнику. Сунул в него морду попить воды, умывальник упал, конь нагнулся лизнуть воды – умывальник пуст, вода впиталась. Не солоно хлебавши побрел дальше.

– Иди, иди домой, – замахнулся я на него.

Он недоуменно, непонимающе посмотрел на меня и вернулся щипать траву под боярышник.

Я плюнул и ушел в дом. Когда вернулся, его уже не было.

08.08.2002

Задонск

В Задонск ездили на комфортабельном автобусе экскурсионного бюро, арендованном профсоюзным комитетом. Водитель – Валера – кареглазый длинноволосый хиппи за сорок в джинсах, общительный, с независимыми манерами. Сто километров туда и столько же обратно. Задонск на голых, еще не покрывшихся зеленью склонах великой реки, выглядит приходящим в упадок провинциальным захолустьем, где историческое время остановилось пару веков назад. Даже новые русские нигде не вознесли, как в иных городах, своих вычурных построек над вросшими в древность кирпичными пятистенками.

Не редкость огороды целиком затянутые пленкой – огуречно-редисочный бизнес. В селах при подъезде к Задонску у самой дороги – самодельные полки, уставленные маринованными грибами по шестьдесят рублей за банку 0,75 л. Только, судя по всему, и этот бизнес не приносит большой прибыли.

Потрясающие красивые соборы в мужском (более шестидесяти метров высотой) и женском монастырях. Около лесной речки Тешевка за городом в стародавние времена святой Тихон Задонский собственноручно вырыл родник, вода которого имеет целительной силу. На этом месте теперь сделали источник и купальню. Приезжают туристы и паломники, побывав в женском монастыре, спускаются в лес, занимают очередь за водой – с полиэтиленовыми бутылками и флягами – или в купальню из красного кирпича.

В купальне работает пока одно отделение. Мужики и женщины заходят небольшими группами по очереди. Раздеваются, стоя на дощатом настиле, затем, выстроившись в очередь заходят по одному по бетонным ступенькам в купель по грудь и окунаются с головой. Погрузиться в воду надо трижды, можно за один заход, чтобы очистить все грехи. Температура воды плюс четыре градуса круглый год. Дух перехватывает уже после первого раза.

Перед купальней церковная лавка с фотографиями церквей, духовной литературой, свечами, ладаном, освященным маслом, иконами святых – в их числе иконки от колдунов, от воров, для отправляющихся в путешествие, для укрепления семьи, для успеха в торговле.

Одна женщина сказала:

– Дайте мне икону Николая Угодника. Она мне во сне приснилась.

– Вот как? Вам какую? – удивленная монашка показала ей две иконы по пятьдесят рублей, где чудотворец изображен в разных одеждах.

– Мне вот эту, – выбрала женщина. – Мне эта приснилась.

Подошел мужик лет под пятьдесят с женой и взрослой дочерью.

– У вас есть литература исторического содержания? Я бы хотел почитать о святой Екатерине. Я о ней в Египте слышал, когда был в отпуске.

Женщина отыскала ему тонкую книжку с акафистом святой. И маленькую иконку с ее изображением за восемь рублей.

– А вы знаете, такая икона за границей продавалась за 50 долларов. Это 1500 рублей на наши деньги!

– А вы на Синае не были? – поинтересовалась монашка, но мужик не расслышал ее вопроса. Она повторила.

– Нет, не был, – ответил тот...

2004

В городе детства

Июньское солнце припекало почти по-южному. Я взял эскимо и успел съесть его, пока точно по расписанию, показался «Икарус» -гармошка. В этот момент подошли еще две девочки лет пятнадцати. Одна с лицом прилежной ученицы была в обычном платье, а другая с неправильными чертами – в стильных белых брюках. В салоне было свободно, но я садиться не стал, дабы не расплавиться на солнце.

Две юные проказницы остановились в проходе вблизи от меня и принялись строить глазки. Особенно та, в полупрозрачных брюках так и пронзала плутовскими черными глазами. А другая лишь осторожно подыгрывала ей за компанию. Кажется, им было любопытно проверить на мне свои чары. Я старался смотреть в окно на как будто знакомое очертание улиц, а когда переводил взгляд, то видел устремленные на меня две пары озорных кокетливых глаз... Так мы и ехали, поглядывая друг на друга, пока я не вышел на опушке соснового леса.

К вечеру город навалился, проник внутрь пропущенными годами... Он жил без меня своей неторопливой жизнью. Я с какой-то неутолимой жадой и неутолимимым азартом пересекал вдоль и поперек этот крохотный городишко, казавшийся некогда большим, словно намеревался запечатлеть его на подошвах штиблет.

Студенческие встречи

Переменная облачность, обещали дождь. Дожди льют каждый день уже две недели. Возможно это отпугнуло многих. По традиции выпускники моего факультета собираются каждый год в первую субботу июля в лесу на девятом километре за городом, где расположен студенческий городок политехнического института. На этот раз приехали поначалу только трое – я и еще две бывшие студентки Света и Надя.

– Ну, троих уже достаточно, – сказал я.

У меня в пакете лежала плоская бутылка водки «Флагман» и кое-какая закуска. Света и Надя купили еще салатов, колбасы и мороженого в киоске на остановке, и мы втроем отправились на нашу поляну у опушки леса, с которой открывался неплохой обзор на трамвайное и автобусное кольцо, откуда могли появиться опоздавшие однокурсники. Около поляны стояла шикарная черная новая «Вольво». Из нее вышел Витя, бывший староста одной из студенческих групп – организатор и вдохновитель всех наших встреч.

– А я уже собрался уезжать. Думал – - никого.

– Главное – не прерывать традицию, – сказал я.

Витя постелил на траве какие-то покрывала, сбегал в киоск на задонское шоссе за вином и шампанским, подошли еще Галя и Лариса и мы уселись на покрывала и наполнили пластмассовые стаканчики шампанским. Разумеется, первый тост был за дружбу. Потом пришел еще Жора, дежуривший на версте в приемной комиссии, и подъехал на «Жигулях» Коля. Первый не пил, потому что завязал, второй потому что за рулем. Водку пришлось пить мне одному. Витя лишь сделал несколько глотков шампанского – у него на четыре часа был назначен полет с приятелем, который купил у американского миллионера реактивный самолет. С собой он взял Ларису – дочь авиационного комполка. Они уехали и вернулись часа через два. Восторгам Ларисы не было пределов. Гм-м. Тоже захотелось самолет, яхту, славных друзей.

Сдается мне, что все люди, не имеющие столь необходимых для жизни атрибутов – социальные инвалиды, во всяком случае, это зачастую написано на их лицах.

Потом пьяная компания захотела купаться, расселась по машинам и отправилась по лесной разбитой дороге к реке. Я сидел с преподавателем Жорой на заднем сиденье вольво и разговаривал о хазарах, живших когда-то на высоких холмистых берегах, к которым мы приближались. За рулем была Лариса, инструктор по вождению, Витя доверял ей.

Едва прибыли на место, по крыше иномарки забарабанил дождь, дождались отставший жигуленок и повернули назад. Остаток вечера провели у Вити в частном доме за автовокзалом. Смотрели видеозапись прошлогодней юбилейной встречи студентов, пели и пили. Помогавшая накрывать на стол дочь Вити кого-то мне очень напоминала. Наконец вспомнил – вылитая Глюкоза... Ее творчество мне нравилось, хотя последние песни («Нимфетка» и «Невеста») явно рассчитаны на невзыскательный вкус публики.

7 июля 2004

Командировка в Калугу

Утром, вернулся из командировки в Калугу. Калуга – спокойный патриархальный город, где старинные здания и высокие храмы разбросаны вперемешку с современными постройками. Замечательный парк и скверы. Вездесущие пожилые иностранцы, понявшие толк в жизни, неторопливо ходят по историческим улочкам, раскрыв рот. Девушки не славятся привлекательностью, как, например, в Воронеже. Хотя, говорят, жена Пушкина из-под Калуги.

Переночевал в гостинице «Ока» и наутро на железнодорожном экспрессе за 2,5 часа добрался до столицы. Кучу времени потерял на Горбушке в поисках аксессуаров для Сони Клие. Наконец, выбрал мемори стик. Потом на метро отправился в центр. На эскалаторах теперь принято целоваться. Очень удобно. Девушка стоит на ступеньку выше, и ей не надо тянуться губами к юноше, придерживающему ее за ягодицы.

Впервые за последний месяц день выдался солнечный, и москвичи были на редкость улыбки и счастливы. Давно их такими не видел. На Новом Арбате потоки иномарок. Вглядываюсь сквозь тонированные стекла. За рулем то и дело мелькают лица женщин, чаще всего совсем молоденьких. Любопытно, как они не боятся маневрировать в потоках машин в нескольких сантиметрах от дорогостоящих соседей. Публика на тротуарах пестра, пьет пиво, пепси, апельсиновый сок с алкоголем и заражает праздностью и праздничностью.

Старый Арбат спокоен и уютен. Тут предлагают сделать временную татуировку по эскизу, пожертвовать деньги на милых собачек, зарабатывающих на корм подающим и заказать собственный портрет. Одна из позировавших девушек сидела на низком складном стульчике так, что были видны под платьем ее красивые ноги. Жаль, они не попадут в рисунок, который старательно выводил грифелем (или углем?) бородатый художник.

Обожаю Москву, ее дух, олицетворенную историю, полную неразгаданных тайн, ее ландшафт и архитектуру, которую колумбиец Гарсиа Маркес называет кондитерской. Ну и пусть кондитерская! Я откусываю это лакомство по кусочкам, как торт и облизываю перепачканные кремом пальцы. Как ни странно, не самые худшие страницы моей собственной истории связаны с Москвой. Я могу ходить по ее улицам целый день до ломоты в ногах, усталость только приятна. Даже сейчас, когда город напоминает избалованное, но милое дитя бедной и рано состарившейся в непосильных трудах матери.

Вышел на Красную площадь. И в это время из Казанского собора раздался праздничный колокольный звон. Зашел внутрь, где в полумраке светились лампы и свечи и стояли немногочисленные прихожане. Поставил свечи и вышел на улицу к ГУМу. Несколько минут боролся с искушением отведать суши по тридцать пять рублей в японском ресторане «Дрова», но времени оставалось мало. Зашел в ГУМ с другой стороны и прошел его насквозь, посматривая на витрины с ненужными мне товарами. В отделе «костюмы» у самого выхода польстился на льняной прикид.

– Сколько стоят брюки? – спросил у девушки.

Она наклонилась к ценнику.

– Три тысячи триста.

Почти вся моя месячная зарплата.

– А пиджак?

– Одиннадцать двести.

– Гмм... Спасибо...

Когда выходил из магазина, навстречу попала сопровождаемая двумя молодыми людьми хорошенькая девушка в белой рубашке, под которой отчетливо вырисовывалась грудь с окружениями розовых сосков. Она взглянула на меня и улыбнулась. Или мне это только показалось...

А дальше – метро, Павелецкий вокзал, купе, дом.

9 июля 2004

Отпуск

Отпуск – это такое счастье! Уже неделя пролетела незаметно. Уезжаю ежедневно на велосипеде на речку Усманку, несущую свои прозрачные воды между поросшими камышом и разнотравьем извилистых берегов. Подъезды для машин заблокированы болотами из-за проливных дождей, и на берег можно пробраться только пройдя по колено в воде. Купальщиков на всем берегу можно пересчитать по пальцам. Лежишь в высокой траве, подставив лицо солнцу, и отстраненно слушаешь отдаленный и не очень приятный гул города.

Можно позагорать и на общем пляже, где куча тел, как на юге. Две юные девушки рядом решили позагорать топлесс, сначала лежа на животе, а потом иногда переворачиваясь на спину, прикрыв груди ладонями. Одна из них что-то ответила на шутку проходивших мимо молодых людей и, забывшись, повернулась к ним, забыв прикрыться.

– Ну разве так можно? Это жестоко, – сказал один из юношей, и все засмеялись.

Захотелось на море, в Ниццу.

Был в нескольких турагентствах. Цены на пляжный отдых взлетели даже в Турцию, на которую так рассчитывал. Одна девушка долго искала для меня тур с заездом в Ниццу, но все на десять-четырнадцать дней и слишком дорого... Спрашивает, а почему, мол, именно туда. Да так, отвечаю, чтобы в разговоре вставить: отпуск проводил на Лазурном берегу в Ницце. Предложила билет на автобус до Штутгарта в Германию за 182 евро туда и обратно. Но виза! Нужно две недели на оформление и справку с работы о зарплате не менее четырнадцати тысяч...

Похоже, на Западе никому не нужны бедные, но честные босяки из России вроде учителей, инженеров и проч.

Пообещал подкопить денег и прийти через год.

Гмм... В прошлом году по той же причине не попал на Кипр...

2 августа 2004

Озеро Чокрак

Вернулся из Керчи, когда солнце уже садилось. Бросив в номере пакет с покупками, вышел через калитку к морю и вдоль берега босиком заспешил на соленое озеро Чокрак, грязями которого, по преданию, лечил свои раны сам Митридат (об этом мне поведала на остановке маршрутки женщина под сорок из Керчи, все лето продававшая экскурсионные путевки на складном стульчике в тени забора).

Азовское море в блеске заката отливало зеленью и расплавленной медью. В открывавшемся со всех сторон просторе, скалистом берегу, возвышающемся вдаль, пылающем небо-склоне, стене дыма над горящей степью было что-то завораживающее...

Пока я шел, солнце село. Огромное озеро было пустынно. Над ним в сгущающемся сумраке беспокойно кружили чайки, словно кто-то стряхнул изорванное в мелкие кусочки письмо. Огонь несколькими ровными километровыми полосами уже добрался до пологого спуска к противоположному берегу Чокрака, и точно такие же полосы трепетали в зеркально-черной поверхности озера. Потрясающее, жутковатое и, в то же время, притягательное зрелище.

2005

Домик у моря

Промозглым декабрьским вечером съездил на другой конец города в редакцию журнала «Качество нашей жизни». Главный редактор предложил приносить историко-краеведческие статьи по теме издания. Оттуда попал сразу в «Арго» на встречу с краснодарским проповедником классической музыки Черченко Владимиром Викторовичем, который ездит от Сибири до Одессы со своими лекциями, дисками с классикой на все случаи жизни, а также фотографиями кубанских лотосов и просто красивых видов.

Среди немногочисленной публики, собравшейся в небольшой комнате, увидел знакомого ивановца Витю – кареглазого мужчину с открытым лицом. На вид ему около тридцати.

– А что же ты сегодня в ботинках – ехидно поинтересовался я. Прошлый раз он приходил на встречу с поэтессой босиком. Так и шел с нами после вечера в магазин-клуб «Сезам», в бриджах, сверкая пятками по грязному, промозглому асфальту.

– Я сегодня с работы.

– А где работаешь?

Он назвал солидное научно- производственное учреждение. Оказалось, что мы с ним оба тащимся от моря.

– Море —это источник энергии. Я могу там неделю ничего не есть. Главное —цель поставить, – сказал Витя.

Выяснилось, что он поставил своей целью довольствоваться минимумом одежды, пищи и всего остального.

– Не вижу смысла, зачем иметь много денег – сказал он.

– Ну хотя бы для того, чтобы съездить на море.

– На море и десять тысяч хватит.

– Думаю, и пять даже.

– Ну или пять, – согласился он и уважительно посмотрел на меня.

– А вообще-то я хочу иметь домик у моря, но у меня пока нет средств, – признался я.

– Нужно представить, как будто домик у тебя уже есть, – посоветовал он.

На земле есть два бесконечных чуда – море и женщина. Весной меня тянет к морю. Континент – не моя стихия. Возможно потому, что живу в сухопутной местности, и на море удастся побыть от силы пару недель в году. А жил бы на побережье, то рвался бы вглубь материка, в столицу или прочие северные территории, подальше от влажной, бескрайней и бесконечной стихии.

2006

Однажды в студеную зимнюю пору

В конце января две тысячи восьмого года в центре города во дворе старинной гостиницы «Бристоль» в уютном подвальчике чайханы состоялась презентация диска со стихами и картин Ирины Е. Вход сотня. Собралось человек четырнадцать, мужчины и женщины, пожилые и молодые. Поэтесса провела эмоциональный экскурс по своим креативным художественным произведениям, развешанным на стенах. Попросила приносить фотки и картины для Музея Солнца в Новосибирске.

Потом гости почитали ее стихи. Витя прочитал собственные стихи, посвященные поэтессе. Стали прощаться. Вышли на свежий воздух. Мело. Витя, как обычно был в одной майке, бриджах и босиком, как его духовный учитель Порфирий Иванов...

– Не холодно? – спросил я.

– Нормально. Ходить босиком по снегу очень полезно. Рекомендую. Когда стояли морозы за двадцать, я тоже обходился без обуви.

– Класс!

Он уходил по проспекту босиком по снегу с двумя женщинами.

А мы вчетвером на маршрутке отправились в подвальчик нового арткафе без вывески с живой музыкой. Давно не слышал такого рока. Музыканты в белоснежных рубашках, отсвечивающих синим от специальных ламп, играли у стены на маленькой сцене. Небольшой зальчик набит студентами и студентками близлежащего педуниверситета. Все это очень напомнило студенческие дискотеки прошлого века.

2008

Юбилей композитора

Когда я приехал после работы, зал был уже полон. Прошел по краю в задние ряды, где было посвободнее, и сел рядом с необычайно красивой девушкой в черном платье, чуть открывавшем колени. Она равнодушно взглянула на меня, положила ногу на ногу и снова устремила взор на сцену. В первом ряду сидел юбиляр, композитор N, с женой и друзьями, за ним расположились приглашенные коллеги по союзу композиторов, крупные чины из администрации и Думы, знакомые литераторы, среди которых сразу узнал редактора отдела прозы журнала «Подъем» Владимира Николаевича Попова и сидевшего с ним рядом поэта Владимира Григорьевича Саблина. Попов обернулся, увидел меня, приветливо улыбнулся и помахал рукой. Следом за выступлениями и ответными шутками юбиляра, большого любителя собирать грибы, (многие охотно обыгрывали это обстоятельство в своих поздравлениях и пожеланиях), начался концерт.

После первых двух номеров прекрасная соседка в черном поспешно достала из сумочки телефон, откинула крышку и произнесла шепотом «алло». Так же шепотом спросила, кто уже пришел, и попросила, чтобы ее подождали. Посидев еще с четверть часа, покинула зал вместе с другими зрителями, расходившимися группками в промежутке между музыкальными пьесами юбиляра. Оставалось лишь с сожалением посмотреть ей вслед.

После концерта по пути в раздевалку, встретил Попова, тот представил Саблина, с которым я был уже знаком, и предложил спуститься в подвал, где были накрыты столы и ожидал небольшой фуршет. Каким-то образом я оказался за столом рядом с виновником торжества слева, а справа сидел председатель союза композиторов, который и вел вечер, объявляя желающих произнести тост. Наконец, слово попросил Саблин. Он встал, дождался полной тишины и прочитал свое стихотворение «Заклинание волхва», которое всех покорило.

Не плачьтесь, что не любят вас...
Куда важней – чтоб вы любили!!
Чтоб вы сияли блеском глаз!
Чтоб вы божественно парили!

И что бы ни было в ответ
От ваших искренне любимых —
Любви своей храните свет,
Что снизошел от сил незримых!

Ведь дар Любви есть высший дар —
И только Избранных венчает!!
Он тот души священный жар,
Что Мирозданье согревает!

И чтобы жар тот не угас
Во всем, что Боги сотворили —
Не плачьтесь, что не любят вас...
Молитесь, чтобы вы любили!

Ему аплодировали, хвалили, особенно женщины, протягивали визитки, приглашали выступить, спрашивали, где достать книги. Оказалось, что единственная книга должна была выйти в Абхазии.

– За это стихотворение после выступления в Петергофе женщины вынесли меня из зала на руках.

На время все даже забыли про юбиляра, пока «тамада», наконец, не объявил очередного гостя...

После фуршета, откланялись и втроем вышли на улицу. Было морозно, сыпался снежок. Пешком прошли к театру оперы и балета на остановку проводить Саблина. Абхазский поэт по дороге читал стихи, рассказывал о своей жизни в деревне под Сухуми, о том, как по ночам в горах воют шакалы, что написал поэму на основе местной легенды, как его уважают и любят в южной республике, приглашал в гости.

Когда подъехала маршрутная «Газель», и Саблин стал садиться, Попов предложил ему деньги на дорогу, но тот отказался. Тогда Владимир Николаевич сунул ему две десятки в карман пальто. Поэт почувствовал, это, достал, и прежде чем дверь успела захлопнуться, презрительно и резко бросил скомканные бумажки в снег. Я поднял деньги и отдал хозяину.

– Вот, кавказский характер! – проворчал с уважительной улыбкой Попов.

Смещение акцентов

Только что вернулся из ново-старого Академического театра драмы с неосознанным беспокойством. Все дело в смещении акцентов и слишком вольной трактовке комедии Мольера «Тартюф». В постановке воронежского театра восторжествовало зло в лице Тартюфа, причем абсолютно и безоговорочно. Помните, чем заканчивается комедия у Мольера?

«Вместе с королевским офицером в дом Оргона пришёл и Тартюф. Домашние, в том числе и наконец прозревшая г-жа Пернель, принялись дружно стыдить лицемерного злодея, перечисляя все его грехи. Тому это скоро надоело, и он обратился к офицеру с просьбой оградить его персону от гнусных нападок, но в ответ, к великому своему – и всеобщему изумлению, услышал, что арестован.

Как объяснил офицер, на самом деле он явился не за Оргоном, а для того, чтобы увидеть, как Тартюф доходит до конца в своём бесстыдстве. Мудрый король, враг лжи и оплот справедливости, с самого начала возымел подозрения относительно личности доносчика и оказался как всегда прав – под именем Тартюфа скрывался негодяй и мошенник, на чьём счету великое множество тёмных дел. Своею властью государь расторг дарственную на дом и простил Оргона за косвенное пособничество мятежному брату.

Тартюф был с позором препровождён в тюрьму, Оргону же ничего не оставалось, кроме как вознести хвалу мудрости и великодушию монарха, а затем благословить союз Валера и Марианы.» Вот эта концовка с наказанием зла – неперемennого атрибута классической литературы – в спектакле отсутствует. Возможно режиссер таким образом хотел приблизить комедию к современным реалиям, но вряд ли столь вольное смещение акцентов соответствует непреложным законам искусства.

5 января 2016 г.

В автобусе

В автобус зашли две молодые цыганки и два цыгана, одна цыганка держала на руках завернутого в одеяло младенца. Цыганка с младенцем села на свободное место кондуктора рядом с водителем.

– Остановите нас возле магазина? – спросила другая.

– Остановлю. По договоренности с вашим начальством.

Цыганка посмотрела недоуменно и чуть испуганно.

– Которое сидит на коленях, – добавил водитель, останавливая автобус и открывая дверь.

Автобус проскочил остановку. Пассажиры встревожено закричали, требуя остановить.

– Я вас поближе к дому везу, – ответил водитель, останавливая напротив магазина ближе к повороту и к жилому массиву.

– Девушки, продемонстрируйте свою стройность, – сказал мужчина с потертым кожаным портфелем, громыхнувшим металлическим инструментом. Он едва поместился на нижней ступеньке автобуса, но вместо мольбы или требования продвинуться сделал такое необычное предложение, от которого трудно отказаться.

– Мужчина поднимитесь, пожалуйста, дверь не закроется.

– Я не могу, впереди женщина стоит.

– Ну и что, тут еще много женщин стоит, – что же теперь на подножке висеть?

– Остановите у поликлиники, – попросила женщина на задней площадке. – Передайте, пожалуйста, чтобы остановили.

– Водитель, останови у поликлиники, – зычным уверенным голосом произнес стоявший рядом молодой человек.

– Ой, спасибо!

– Обращайтесь.

Маленькая согнутая старушка в зипуне до пояса и длинной юбке на автобусной остановке в Калининграде долго пытается раскрыть целлофановую упаковку с перловкой. Голуби в нетерпении садятся на ее голову, плечи, один, взмахивая крыльями, примостился на поясице. Когда я предложил помощь, пакет в ее руках, наконец, раскрылся, и зерно брызнуло на асфальт. Голуби дружно налетели на угощение.

От пединститута образовалась огромная пробка.

– Я в пробке стою. Говорят, Чернавский мост перекрыли, сообщила женщина по сотовому.

– Не наворовали, вот и жмемся друг к дружке. А воры – уважаемые люди, на «мерседесах» ездят, – заметил глубокомысленно пожилой мужчина в форме охранника.

Двигались так медленно, что мужчина снова не выдержал и сказал:

– Куда администрация смотрит. Получают по сто тысяч и ничего не делают.

– Вы не знаете, а говорите, – подала голос полная женщина с переднего сиденья. – Надо телевизор смотреть. Сегодня студенты проводят акцию ко дню Победы – взявшись за руки, образуют живую цепочку от стелы до музея-диорамы. Поэтому мост и перекрыли.

– Да у них всегда найдутся причины. Они как будто в другом мире живут. Особенно москвичи. Приезжают сюда, хлопают глазами, понять не могут, как мы тут живем.

– Все потому, что у нас каждый за себя, поговорили и забыли вместо того, чтобы организовать акции протеста, – вступил в разговор молодой человек сзади.

– При социализме мой друг получал на заводе тысячу рублей, – подхватил охранник. Зарплата двести пятьдесят – триста рублей была не редкость. Это большие деньги. А сейчас только воры хорошо живут. Административный аппарат раздули. Раньше такого количества чиновников, как в России, во всем СССР не было.

– Мужчина, если жизнь не удалась, не надо кричать на весь автобус, – неожиданно твердо и громко сказала, обернувшись к нему, девушка, она говорила так убежденно и горячо, что мужчина только смущенно и растерянно улыбался, глядя ей в лицо и молчал. Возможно, она напомнила ему юных комсомольских активисток собственной молодости. – Не повезло вам получать сто тысяч, а то бы тоже ездили на «мерседесе» и всех детей и внуков обеспечили. А раз получаете десять тысяч, ездите в автобусе и молчите.

В поезде

На Кубань ехал в плацкарте с четой лет сорока из Питера. Она – толстушка, не отличающаяся красотой, зато в ней какой-то внутренний стержень, взгляд полный достоинства и размеренная, веская речь. Наверное, сделала успешную карьеру, и ее ценили на работе. Он – стройный красавец-мужчина с добродушной детской улыбкой. Подумалось, что эта сохранившаяся улыбка и добродушный нрав, несмотря ни на какие исторические передрыги – ее заслуга и его награда за любовь и преданность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.